

Мы говорим Богу Смерти: "Не сегодня"

Яшви Садхир

Это был очень странный сон. Яшви очнулась с ощущением, что это все происходило на самом деле. Она не знала, сколько времени - в шатре было тихо. Очень хотелось пить, но не было сил поднять голову и осмотреться. На ее лбу лежала влажное полотенце, сложенное в несколько раз, хотя влажным оно уже как раз и не было, полусухое и горячее. Рубашка промокла насквозь и прилипла к телу. Плечо зудело, словно под кожу запустили муравьев.

Живые к ней во снах не приходили, всегда только мертвые. Она видела бабу - не совсем ее, конечно, но что-то, что она помнила, как бабушку, мать, не похожую на мать, покойного Идэра - его смерть стала для нее неприятной, печальной новостью. Видела саму себя. Принца Сонгцэна. Яшви попыталась сесть, но во всем теле была ужасная слабость. Мысли путались, но в голове засело одно единственное намерение - она должна убедиться, что он жив. В этом странном сне она хотела вернуться только из-за него. И если он мертв, ей незачем больше жить.

Она не знала, почему ей это так важно. Может быть ей вообще все это просто приснилось - и принц тоже не пережил битву, как многие из тех, кто сегодня уже не вернется обратно в родные шатры. И все это просто плод ее воспаленного воображения. Яшви замеила кувшин с водой неподалеку от себя, хотела повернуться, но плечо пронзило резкой болью, от которой даже закружилась голова, а в глазах заплясали раскаленные добела пятна, и девушка закусила губу, чтобы не расплакаться от боли. Кажется, она снова проваливалась в какую-то пропасть небытия.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн проснулся как от кошмара. Он наспех оделся и побежал к шатру, где была Яшви, и едва не сшиб по дороге кого-то из Лис. Было раннее утро, в гэре с ранеными была пара дежурных, но одна женщина делала кому-то перевязку, а вторая на улице стирала окровавленное белье. Сонгцэн поздоровался с ними и побежал туда, где накануне лежала Яшви. Она была на месте и, кажется, спала. Ее аура была бледной, но вокруг раны было много следов воспаления и сильной боли. Но главное, Яшви была жива. Сонгцэн сел возле неё на колени, набрал в руку немного воды из кувшина и стал через неё вытягивать из раны ша-ци. На лбу Яшви лежало почти высохшее и горячее полотенце, которое Сонгцэн просто убрал, потому что от него не было толку.

- Яшви, - негромко позвал он. - Ты слышишь меня?

Ее сердце билось, а он немного восстановил энергию, и теперь мог хоть что-то сделать. Самое страшное было позади. Он сбросил помутневшую воду в стоявшее рядом грязное ведро. Ша-ци стало меньше, но боль и воспаление ещё оставались, а на повязке проступили капли крови. Сонгцэн направил на плечо синюю ци.

Яшви Садхир

Яшви не заметила, как уснула, как будто просто отключилась в одно мгновение. Но проснулась она от того, что ее звали по имени, в который раз за эти день или ночь - она потеряла счет времени, и не видела отсюда входа, чтобы понять, что творится снаружи. Ей казалось, что лежит она здесь уже ужасно долго, целую вечность, в плечо вворачивают раскаленную стрелу с зазубренным наконечником, которая рвет мышцы и жилы. Только сейчас боль становилась чуть меньше, не такой острой. Яшви разлепила глаза.

- Сонгцэн, - она с усталым облегчением улыбнулась. - Мне снилось, будто мы умерли.

Кто знает, может это и до сих пор ей снится, сон во сне, а этот сон в еще одном сне, и так до бесконечности. Что реален только тот мир, который за гранью, а этот - иллюзорен и хрупок.

- Я обещала им вернуться, когда умру, - несмотря на то, что мысли путались, она хорошо запомнила разговор с духами и свое обещание. Они поняли друг друга, и это было самым важным. Они дали ей время, но сколько - никто не знает. - Я ведь умираю? Жарко.

Было тяжело и немного неудобно дышать, как будто одна сторона туловища у нее не двигалась. Яшви приподняла голову, увидев, что одна рука примотана к телу так крепко, что пошевелить ею было невозможно. А вдохнуть глубоко, полной грудью, мешал страх снова ощутить боль в груди и плече.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мне снилось, что мы выжили, - ответил Сонгцэн и улыбнулся, потому что Яшви наконец-то просто назвала его по имени.

Он погладил ее по голове, затем направил на плечо больше синей энергии, чтобы заглушить боль, которая просыпалась вместе с девушкой. У Яшви был жар, но небольшой, судя по всему, ночью было намного хуже. Это был не сон, львица, которую Сонгцэн не знал, помогла ему вернуть душу Яшви, когда та была на грани двух миров.

- У тебя жар, но ты уже не умираешь, - сказал Сонгцэн. - Сейчас твои духи обойдутся без тебя. Моих сил хватит, чтобы поддерживать твои.

Ему бы хватило знаний и на то, чтобы залечить рану, но сейчас важнее было следить за общим состоянием Яшви. Лучше было не спешить и не рисковать, пусть так лечение могло затянуться на несколько дней, а полное восстановление могло занять ещё больше времени.

- Тебе дать воды? - спросил Сонгцэн.

Яшви Садхир

От простого жеста, что ее гладят по голове, ей вдруг стало немного лучше. Ее

никогда так никто не гладил, кроме него, и к ней вообще никто никогда не прикасался, потому что это было не принято, но Яшви не хватало этой поддержки всю ее жизнь. На фоне боли, страха, усталости, слабости и жажды это прикосновение было ей необходимо. Она закрыла глаза, но все длилось не так долго, как хотелось бы.

Садхир-джи начал убирать боль в плече. Она не исчезла совсем, но стала намного тише, почти не ощутимой, только мешала привязанная к телу рука и никак не удавалось удобнее лечь, потому что тело казалось неповоротливым, тучным, непослушным, как у тряпичной куклы.

- Я видела Идэра, - Яшви не знала, зачем это говорит. Она обычно очень мало рассказывала о своих снах, но сейчас она хотела об этом рассказать. Чтобы не оставаться с ним один на один. У нее не было никого ближе принца, и только ему она могла бы все это рассказать. - Бабушку. Мою мать. Еще одну меня, другую. И там была еще тень в оранжевом плаще. Не моя.

Все это походило на горячечный бред. Скорее всего это он и был, когда она то просыпалась, то снова засыпала, мучаясь от жажды и жара. Еще оставался жар, но не такой сильный.

- Да, - ответила она на вопрос о воде. Она уже забыла, что собиралась попросить сама, мысль покрутилась вокруг кувшина и ушла дальше, в никуда.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн снова убедился в том, что это был не сон. Они с Яшви были там вместе, ее не хотели отпускать духи, в том числе душа убитого накануне сына Их-Чэрэна. Сонгцэн приобнял Яшви со стороны здорового плеча, помогая ей привстать с подушки, и подал ей кувшин с водой, поддерживая его, чтобы девушка могла напиться.

- Я тоже их видел, - сказал Сонгцэн. - Эта женщина в плаще мне помогла. Я не знаю ее, но в ней было что-то знакомое. Она сказала, что она - Лев.

Сейчас, когда он пытался ее вспомнить, черты ее лица смешивались с чертами матери. У них были почти одинаковые золотистые глаза. Сонгцэн не знал, кем была его бабушка по материнской линии, считалось, что кто-то из тигриц касты женщин. Но сейчас Сонгцэн был почти уверен, что узнал о своём происхождении то, о чем не принято было говорить в кланах.

- Мне кажется, это может быть бабушка по материнской линии, - сказал Сонгцэн. - Хотя всегда считалось, что мама родилась в клане Белых Тигров у кого-то из женщин клана.

Яшви Садхир

Яшви жадно начала пить, не очень аккуратно, потому что горлышко у кувшина было очень широким, а пить, не имея возможности придерживать кувшин двумя руками, было не очень удобно. Но она не расстроилась, когда немного воды пролилось на рубашку и почти не обратила на это внимания, потому что рубашка и без того была

вся мокрой.

- Спасибо, - поблагодарила она, напившись и немного отстранившись, чтобы перевести дух. В животе теперь плескалась вода, но голода Яшви не чувствовала. наоборот, от мысли, чтобы что-то съесть, было не по себе. Она опустилась обратно на подушку, потому что даже это несложное движение, как приподняться с чужой помощью, отнимало много сил. Наверное, она потеряла много крови.

- Бо-джи никогда об этом не рассказывала? - спросила она принца. Она смутно помнила тень в самом конце своего сна. Или это все же был не сон, ведь два разных человека не могут оказаться в одном общем сне каждый сам за себя? Садхир-джи не говорил, что тоже может слышать духов, в ее первый день в монастыре он разозлился на нее, когда она подумала, будто это он что-то ей шепчет, хотя на самом деле это были духи того места, где она оказалась впервые, а сильная энергия монастыря действовала на ее спящий до тех пор дар.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я думаю, она сама об этом не знает, это нужно деда спрашивать, - сказал Сонгцэн.

Белые Тигры жили по своим особым законам и традициям, которые даже Сонгцэн не всегда понимал и принимал. У воинов клана не было принято знать матерей, они с младенчества воспитывались в домах отцов. И мать вряд ли интересовалась своим происхождением, ей было достаточно знать, что она - дочь старейшины Бо.

- У тебя вся рубашка мокрая, принести чистую? - спросил Сонгцэн.

Яшви сейчас выглядела как любой человек, который провёл ночь в лихорадке - бледная, мокрая насквозь и без сил. Организм бился с заражением крови и победил, но на это ушло очень много сил. Было бы проще, если бы у Лис были лекарства, а не только травы и настои. Особенно когда нет сильных врачей вроде мамы, сифу Лю или сифу Грей.

Сонгцэн все ещё не знал, сколько воинов потеряли Лисы в этом бою. Среди Тигров были только раненые, и все не опасно. Но до их появления бой был очень тяжёлым.

Яшви Садхир

Яшви поначалу ощутила нечто вроде удивления, как же это, не зная, кто твои предки, но потом вспомнила, что она о своих-то узнала всего несколько месяцев назад. Бабушка при жизни ни разу не обмолвилась о том, что есть где-то в далекой Монголии такой клан Лис, к которому они все - и Яшви, и ее отец, и сама бабушка, и еще трое остальных детей, теперь уже четверо, которые выжили и выросли, тоже могут быть частью клана. У бабушки были свои причины молчать, теперь Яшви это понимала. Возможно, она просто хотела спокойной, оседлой жизни с человеком, которого любила. Но когда дед умер, она не вернулась обратно в клан. Может, духи сказали ей что-то. Сейчас уже не узнаешь и не спросишь.

- Я не хочу, чтобы ты уходил, - призналась Яшви, хотя это звучало как ребячество. Она же не боялась оставаться одна, просто хотела больше времени провести с принцем рядом. Она не знала, сколько у нее еще времени, сколько ей отведено. У

Лис не было сильных врачей, поэтому клан никак не мог оправиться после многочисленных потерь. Он пытался держаться хоть как-то на плаву, а сейчас от него остались лишь какие-то крохи. Яшви видела их, там, во сне. Их было много, больше, чем хотелось бы. Мертвых всегда оказывается больше, чем живых.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, не буду уходить, - Сонгцэн улыбнулся.

Он задержал ладонь над грудью Яшви и сосредоточился на влаге, которая пропитывала простынь и одежду девушки. В этой влаге было полным-полно ша-ци, и она собиралась в шарик мутной воды, который вскоре также отправился в грязное ведро.

- Говори, если плечо сильно болит, - сказал Сонгцэн. - Боль не нужно терпеть, это вредно. А тебе ещё и опасно.

Боль могла говорить о кровотечении, что на фоне кровопотери грозило большими проблемами. А Сонгцэн не мог постоянно смотреть на ауру, потому что это отнимало много сил, которые были нужнее для другого. Сонгцэн думал и о том, что когда он убедится, что Яшви идёт на поправку, его помощь может понадобиться и другим Лисам, раз у них толком не было врачей. Это было бы правильно с его стороны. С Тиграми не приехал никто из тех, кто более-менее умел лечить. У матери были дела важнее, чем помогать горстке кочевников в другой стране, и так было чудом, что Бу-джи дал своих людей. Лисы не могли бы оплатить работу отряда наемников. Сонгцэн понимал, что причины были в том, что Шакалы работали на Асаку. Но не исключено, что решающую роль сыграло присутствие в клане Лис самого Сонгцэна, в жизни которого Тигры были заинтересованы.

- Как думаешь, что Лисы будут делать дальше? Вернутся на стоянку или повезут раненых в ближайший город?

Яшви Садхир

Она не подумала, что своим отказом вынудит принца использовать магию, смысл которой для нее все также до сих пор оставался скрытым. Оронар пытался учить ее магии воздуха, хотя сравнить этого великана-бородача с ветром было крайне трудно, скорее, он напоминал разрушительную песчаную бурю, и он сказал, что она слишком тяжелая для воздуха. Что он ей не подходит.

- Сейчас не болит, - ответила она, ничуть не кривя душой, потому что и правда эту боль сложно было назвать болью в прямом смысле этого слова. Немного было неудобно из-за руки, прижатой к туловищу, отчего Яшви сама себе казалась однобокой, немного было страшно двигаться, потому что вдруг станет хуже, но в целом уже болело не так, как болело когда она только проснулась.

В сухой одежде стало и правда намного удобнее и приятнее. Хотя больше всего Яшви сейчас хотелось помыться и надеть что-нибудь чистое, потому что ее не отпускало ощущение запачканности. Но она сама выбрала не отпускать принца сейчас, и должна была сама расплачиваться за свои решения.

- Я не знаю. При мне клан никогда не воевал и никто не болел ничем серьезным, - сказала девушка. - Но они не могут оставаться здесь надолго, пастбища скуднеют, скоро нужно переходить на другое место. Но и вернуться с ранеными в деревню они не могут, они не переживут дорогу.

Так говорила "они", словно это не она тут лежала с забинтованным плечом. От мысли, что она тоже может не пережить дорогу, становилось не по себе.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Жизнь кочевников не подразумевала долгих остановок в степи. И клан Лис наверняка приспособился к жизни в переездах, когда каждый человек на счету. Сейчас им придётся очень тяжело. Не говоря уже о боли от потерь.

- Я хотел бы поговорить с ханом и старейшинами о том, чем я могу сейчас помочь, - сказал Сонгцэн. - Но пока побуду с тобой.

Он не знал, какая помощь нужна Яшви кроме непосредственной работы с энергией. Нужно было вылечить перелом, заживить ткани и постепенно восстанавливать Муладхару, но это делалось не сразу и не за один день. Сонгцэн был не очень опытным врачом для такой работы, особенно когда своей энергии было меньше, чем он привык.

- Я могу остаться здесь на несколько дней. Если разрешит клан, то дольше, - добавил Сонгцэн. - Тигры уедут раньше.

Лисам будет накладно кормить целый отряд, который мало чем поможет им после сражения. Да и вождь не поймёт, если его люди надолго задержатся, выполнив задание.

Яшви Садхир

Яшви тоже не знала, чем сейчас может помочь Садхир-джи. Он разбирался во врачевании, но ему все равно было тяжело справиться с таким ранением сразу. Она и так старалась ему не жаловаться, чтобы он не тратил силы на ту боль, которую можно потерпеть, если она не слишком настойчива. Вчера Садхир-джи был уставшим и бледным, а сегодня снова взялся за то, чтобы что-то там делать с плечом.

- Ты гость и помог клану в бою. Ты можешь оставаться столько, сколько хочешь, если только тебе не нужно возвращаться в Покхару, - ответила она. Для гостей монголы не желали ничего, даже если у самих не было ни крошки. Клану сейчас будет трудно, но ему всегда было тяжело, неприятности и сложности закалили этих людей, чтобы они не сдавались от сложившихся обстоятельств. Пока жива последняя Лиса, клан будет жить.

И она была уверена, что Хубилай хаан как вождь и Их-Чэрэн как глава рода, позволят Сонгцэну остаться. Их-Чэрэн потерял старшего сына, может быть, присутствие Садхира-джи его несколько утешит. И любая помощь пригодится, даже если это просто охота. Раненым нужно восстанавливать силы. Сейчас в степи хорошо, много добычи, к зиме станет намного хуже. К тому моменту клан вернется в

деревню и начнет готовиться к зимованию.

- Они останутся на похороны? - спросила Яшви. Она не знала точно, сколько Лис погибло, но их было много. - У Тигров есть потери?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн думал о том, как Лисам выбраться из этой ситуации. Они выжили ценой больших потерь, выжили те, кто оставался в горах во время боя, потому что уже или ещё не могли держать оружие. Они сохранили имущество. Но потеряли самых сильных людей, без которых будет тяжело. И нужно было помогать раненым, чтобы жертв не стало больше. Очень помогла бы хотя бы пара лекарей, лекарства, за которыми придётся ехать в аптеку до ближайшего города. Нужны руки. Чтобы работать, вести быт, заниматься лошадьми и скотом.

- Среди Тигров убитых нет, только раненые, - сказал Сонгцэн. - Но они наверняка останутся, сражались же вместе.

Белые Тигры были профессиональными наемниками. Они были лучше вооружены, защищены и обучены, чем Лисы, и Шакалы не были готовы к подкреплению. Клан Тигров был небольшим, и воинов у него тоже было не так уж много. Но эти люди всю жизнь учились только воевать и были избавлены от прочей работы. У них было больше шансов выжить в бою, чем у Лис.

Яшви Садхир

Тиграм повезло больше, они не потеряли людей, и все они могли скоро вернуться домой, в Покхару. Лисам повезло только в том, что они подоспели вовремя, иначе от клана ничего не осталось. Но и сейчас все было ненамного лучше, потому что большая часть тех, кто мог защищать клан, погибла. Что они будут делать дальше? Они не смогут отбить повторное нападение Шакалов, если оно будет, а ведь он больше, чем горстка едва выживших Лис.

- Если я уеду из клана сейчас, - начала Яшви, - разве это не будет предательством?

Бросить слабый клан, чтобы устраивать свою личную жизнь - Яшви казалось это низким и даже подлым. Она ведь не просто лиса, которую намного проще было бы отпустить в другую семью, она единственная шаманка, и, какими бы коварными не были духи, она всегда могла у них что-то спросить или попросить помощи. Разве что теперь она не знала, после этого сна будут ли души и многорукая тень - воплощение ее бабушки - и дальше ей помогать, или будут молчать, потому что она не дала им то, чего они хотели.

К тому же у Их-Чэрэна и Чаалун больше не было старшего сына, и остался только Алтан, а он еще не был мужчиной и не мог защитить род и семью. Она хоть и была сама женщиной, но сильной и крепкой, когда не была ранена, и привыкла тащить на себе всю семью. Она могла бы с этим справиться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понимал, что Яшви переживала за свой клан и свою семью. Она хотела

быть им полезной, но вскоре ей предстояло уехать в Непал. Сонгцэн не знал, что бы чувствовал и как бы поступил в такой ситуации. Его происхождение подразумевало, что он всегда будет привязан к клану, даже если будет покидать Покхару.

- Сейчас ты не уедешь из клана, это опасно для тебя, - сказал Сонгцэн.

Но он понимал, что девушка говорила о свадьбе, а не о ближайших нескольких днях. Он обещал, что она сможет бывать у Лис, когда захочет, но это не то же самое, когда живешь в клане постоянно. И она была единственной шаманкой в клане.

- Это не совсем та тема, которую хотелось бы тащить в наши с тобой отношения, - сказал Сонгцэн. - Но что сделает Лис сильнее, присутствие тебя в клане, или союз с Королевскими Кобрами? Мы смогли отразить атаку и перебить Шакалов только потому, что на помощь пришли Белые Тигры. Если Шакалы будут знать, что за Лис есть кому вступить, они дважды подумают, стоит ли нападать.

Яшви Садхир

- Если бы я не была Удган, я бы просто уехала и все. Но у меня есть обязательства перед кланом, от которых я не могу отказаться, - пока клан был относительно силен, в нем было кому его защитить, она воспринимала необходимость уехать спокойно. Говорят, что один человек в поле - не воин, но все же один лучше, чем вообще ничего. Сейчас она опасалась, что своим отъездом сделает клан еще уязвимее, чем вообще может быть. Монгольские кочевники большое значение придавали шаманам, потому что духи всегда могли предупредить или оградить, а то и направить, подсказать, когда нужно. Но эта способность была редкой и сложной, и не все переживали инициацию. Яшви повезло, что рядом с ней оказался сильный шаман, который помог.

Клан был небогат, но у него было много лошадей, которых можно бы было продать, и меньше всего Яшви нравилось думать о том, что союз с ее кланом - невыгоден с политической точки зрения. Конечно, Тигры и Кобры предпочли бы видеть в своих союзниках Сурикатов или Рысей, и, если бы Садхир-джи был таким примерным сыном, как от него ожидали, то его бы здесь не было. Но это не значило, что вождь Тигров или вождь Кобр разделяют его симпатии. Но Яшви не могла отрицать того, что, соглашаясь выйти замуж, думала о том, какую выгоду получают Лисы в случае этого брака.

- Мы не можем все время рассчитывать на то, что кто-то нас защитит, - ответила она. - В следующий раз Тигры могут не успеть. Я не знаю, что делать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви уже и так немало сделала для своего клана и выжила чудом. При том, что жила с ними совсем недолго. Но они были её семьей, и Сонгцэн понимал, что она не могла не думать о том, как сейчас выжить Лисам.

- Давай думать, - сказал Сонгцэн. - Духам нет дела до расстояния, если им есть что сказать, они скажут тебе это хоть здесь, хоть в монастыре, хоть в Покхаре. Значит, достаточно наладить связь между кланами, чтобы ты продолжала быть Удган для Лис.

Сонгцэн не видел причин, по которым Шакалы стали бы снова нападать на Лис. Они потеряли всех, кто в этот раз участвовал в бою. У Лис не было ничего, кроме табуна лошадей, шатров, нескольких коз и неумной гордости. Они ничем не владели, ничего не охраняли и не угрожали Асаке. Мстить им означало рисковать людьми на пустом месте: Кобры и Тигры и так знали, что люди Асаки сильны. Остальные даже не узнают, что где-то в степях Монголии шакалы-отморозки перебили пару десятков кочевников.

- И ты можешь стать сильнее, если будешь учиться в кланах и в Линь Ян Шо, - добавил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви опасалась предстоящего отъезда. Она только-только почувствовала себя дома, у нее была семья, которая не укоряла ей за то, что она что-то нерасторопно сделала или навлекла позор только лишь тем, что просто не хотела выходить замуж, или что вела себя странно, пытаюсь разговаривать с духом мертвой бабушки. Яшви не ждала, что с ней будут носиться, как с сокровищем или относиться со всякими почестями, она просто хотела, чтобы к ней относились по-человечески. Нельзя сказать, что у Кобр ее обижали, но она всегда чувствовала напряжение от ожидания, что еще выкинет королевский гарем, хотя у них не было никакого повода так к ней относиться, потому что Яшви ни на что не рассчитывала и не претендовала. Но больше она боялась, что ее свободу будут ограничивать правилами или традициями, которые были приняты в Непале в том числе среди Кобр. Может быть именно поэтому она пыталась найти причину остаться в клане подольше, прекрасно понимая, что уехать все же придется.

- Как? - спросила Яшви. - Почта ненадежна, а у посыльного дорога будет занимать слишком много времени, если нужно сообщить что-то срочное и важное.

Было бы проще, если бы для того, чтобы добраться от Непала до Монголии, не нужно было еще пересекать огромный Китай. Даже по сравнению с Монголией Непал - крохотное государство, а где посыльный будет искать клан в степи, если не будет знать заранее конкретных точек стоянок. Теперь клан будет еще осторожнее. Скорее всего, они раньше вернутся в деревню, чтобы зализать раны.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Есть и другие средства связи кроме почты и посыльных, - сказал Сонгцэн. - Телеграф, телефон, интернет. Если связи нет в кланах, она есть в ближайших деревнях. В Монголии на такой случай можно держать посыльных в основных точках вашего пути.

Он считал, что эти технические вопросы сейчас не столь важны, они были решаемы. Они были ерундой, главное, чтобы сейчас жизни Яшви ничто не угрожало. Пока она была ранена, и ей нужно было время, чтобы восстановиться.

- Сейчас тебе нужно восстановиться и встать на ноги. А твоему клану решить, что делать дальше, - сказал Сонгцэн. - Давай пока не будем ничего решать, посмотрим, какие планы у Хубилай хаана и старейшин.

От Яшви сейчас ничего не зависело. Её близкие ждали от неё того же, что ждал Сонгцэн: что ее жизнь будет вне опасности. Не потому что она - единственная шаманка в клане. Потому что Их-Чэрэн и Чаалун потеряли старшего сына, клан потерял многих воинов, а у Яшви было все больше шансов остаться в живых.

- Может, тебе принести что-нибудь на завтрак? Или хотя бы чай?

Яшви Садхир

Телеграф, телефон и интернет...Яшви никогда не слышала слова "интернет" и даже представить себе не могла, что это такое. Она только один раз видела так называемый телефон в руках Джуна, на котором тот включал секундомер, но она не знала, как это работает. От всего этого у нее начала болеть голова. Она не должна была решать все это сама в одиночку и именно сейчас, но иногда Яшви забывала о том, что совсем не обязательно тащить все на себе. У хана могли быть свои мысли, и наверняка намного более здравые, чем у семнадцатилетней девочки.

Она легла удобнее и сдержалась, чтобы не поморщиться от неловкого движения, которое отозвалось неприятным нытьем в плече. Она так и не спросила, что в итоге у нее с плечом, помнила только, как из него торчала длинная стрела, а ключица была странно вывернута под кожей. Яшви почему-то не хотелось знать подробности своего ранения.

- Я не хочу есть, - от одной мысли о еде в животе становилось как-то беспокойно, что не вызывало никаких положительных ассоциаций и намерений. - Только пить очень хочется.

В шатре было довольно душно, несмотря на то, что полог был откинут. В воздухе висел густой запах крови, пота, лекарств и трав. Яшви с удовольствием бы вернулась в родной гэр, но должна была оставаться здесь.

- Если эмэ уже встала, она может сделать чай, - в клане рано вставали, чтобы успеть сделать большую часть дел до жары.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Хорошо, я схожу за чаем, - сказал Сонгцэн.

Вряд ли Чаалун еще спала, потому что весь клан уже был на ногах. Начиналось очень трудное время для Лис, когда им нужно было собрать все силы, чтобы как-то жить дальше. Выходить раненых, решать что-то со сменой стоянки и восстанавливать силы.

Сонгцэн взял Яшви за здоровую руку и переплел свои пальцы с её. Она выживет, он был уже в этом уверен. Ей нужно много времени и много сил, чтобы прийти в себя, но он был готов сделать все, чтобы это произошло как можно быстрее.

- Я скоро вернусь, - Сонгцэн улыбнулся. - Отдыхай.

Он поправил подушку, убрал налипшую на лоб Яшви прядь волос и после этого

пошел в гэр Их-Чэрэна, чтобы найти Чаалун. Заодно он все же хотел попросить у неё сменную рубашку для девушки.
